

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.96

Эмоциональный интеллект, черты Большой пятерки и эмоциональная креативность в латентных личностных профилях

Т. В. Корнилова¹, М. А. Шестова^{1а}, С. А. Корнилов²

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

² Институт системной биологии,
США, 98109, Сиэтл, Терри Авеню, 401

Для цитирования: Корнилова Т. В., Шестова М. А., Корнилов С. А. Эмоциональный интеллект, черты Большой пятерки и эмоциональная креативность в латентных личностных профилях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. Вып. 2. С. 123–136. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.201>

Исследования последнего десятилетия при описании соотношения черт, образующих личностный профиль, либо демонстрировали взаимосвязи эмоционального интеллекта и Большой пятерки, либо произвольно выявляли в системе измеряемых свойств медиаторы и модераторы. Среди имеющихся на данный момент исследований отсутствуют достоверные сведения о латентных классах в контексте соотнесения свойств Большой пятерки с эмоциональной креативностью, которая, в свою очередь, связана с эмоциональным интеллектом. В связи с этим нашей целью является заполнение существующего пробела в знаниях и, соответственно, анализ латентных профилей для более полного раскрытия представленности в выделенных профилях этих компонентов. Выборку составили 527 испытуемых-студентов (из них 395 женщин и 135 мужчин, Min 17, Max 43, M = 19,2, SD = 2,9), 402 из них прошли всю батарею тестов. В комплекс методик вошли: 1) Ten Item Personality Measure — «Краткий опросник Большой пятерки» (КОБП); 2) Trait Emotional Intelligent Questionnaire — опросник «Черты эмоционального интеллекта», 3) Emotional Creativity Inventory — «Опросник эмоциональной креативности» Дж. Эверилла. Сопоставлялись результаты корреляционного анали-

^а Автор для корреспонденции.

за и анализа латентных профилей, в которых представлены типичные для четырех выделенных классов соотношения измеренных личностных свойств. В результате предпринятого исследования показано, что черты Большой пятерки ожидаемо положительно связаны со всеми чертами эмоционального интеллекта. Анализ латентных профилей позволил выделить четыре класса, которые не проявляются при использовании корреляционного анализа. Но именно свойства эмоционального интеллекта выступили основной группой дискриминирующих переменных при установлении личностных профилей. Выводы: из черт Большой пятерки только эмоциональная стабильность, а из эмоциональной креативности — только эффективность выступили дискриминирующими факторами; максимальный вклад в определение личностных профилей внесли черты эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: латентные профили, эмоциональная креативность, эмоциональный интеллект, опросник «Черты эмоционального интеллекта», «Краткий опросник Большой пятерки» (КОБП), «Опросник эмоциональной креативности».

Введение

Описание взаимосвязей диагностируемых свойств в личностном профиле обычно ограничивается корреляционным анализом, а в последнее время также выделением медиаций и модераторов в системах переменных. Однако при этом теряется тот аспект индивидуальных различий, который отражает специфику подгрупп, или классов, которые могут существенно различаться по психологической регуляции с точки зрения соотношения личностных свойств. Анализ латентных классов позволяет выявлять скрытые закономерности во взаимосвязях, которые не вскрываются корреляционным анализом.

В нашем исследовании поставлена *цель*: выявить взаимосвязи эмоциональной креативности с чертами Большой пятерки и эмоциональным интеллектом и на основе анализа латентных классов роль этих переменных в личностных профилях.

Личностные черты, охватываемые перечнем Большой пятерки, относятся к стабильным свойствам, в то время как эмоциональная креативность (ЭК) изначально как конструкт включала три составляющие: когнитивные навыки, эмоции и креативность. При обосновании этого понятия Дж. Эвериллом (J. Averill) был разработан «Опросник эмоциональной креативности» (ОЭК) — *Emotional Creativity Inventory (ECI)* (Averill, 1999), который был апробирован нами на русскоязычных выборках (Корнилова и др., 2020). Выявившиеся связи ЭК с академическим и эмоциональным интеллектами поддерживают интерпретацию ее как эмоциональной способности (*emotional abilities*) (Averill, 2000). Поэтому нетривиальным является вопрос о связях свойств ЭК как характеристик, фокусирующих взаимодействие эмоциональной и когнитивной сферы, с характерологическими чертами.

В первых исследованиях, посвященных ЭК, Дж. Эверилл показал связь общего балла по методике ОЭК с такими чертами Большой пятерки, как *открытость новому опыту* и *согласие* (Averill, 1999). З. Ивкевич с коллегами (Ivcevic et al., 2007) подтвердили полученный Дж. Эвериллом результат: общий балл ЭК связан с *открытостью новому опыту* и *нейротизмом*.

В предыдущей работе нами устанавливались связи эмоциональной креативности с переменными эмоционального интеллекта, «психологической разумно-

стью» и имплицитными теориями креативности (Корнилова и др., 2020). Тогда был использован опросник «Эмоциональный интеллект» — ЭМИн (Люсин, 2009), предполагающий понимание эмоционального интеллекта (ЭИ) как способности в соответствии с концепцией Майера — Сэловея — Карузо (J. D. Mayer, P. Salovey, D. R. Caruso). Однако исследования ЭИ проходят в двух руслах — не только как способности, но и как черты.

Для ЭИ в некоторых исследованиях также были продемонстрированы связи с факторами Большой пятерки. ЭИ как способность, измеренная по самоотчетной методике ЭМИн, проявлял отрицательную связь с *нейротизмом* и положительную — с *сознательностью* (Люсин, Овсянникова, 2015). Недавнее исследование показывает, что такие черты, как *экстраверсия*, *нейротизм* и *добросовестность*, предсказывают как внутриличностный, так и межличностный интеллект (Дикая и др., 2020).

Метаанализ показал, что ЭИ, измеренный по опроснику «Черты эмоционального интеллекта» — TEIQue A. Фёрнхема (A. Furnham) и К. Петридеса (K. Petrides), связан с *общим фактором личности* (на базе Большой пятерки); авторы предположили, что за высокой связью ЭИ и личностных черт стоит общий генетический фактор (Linden van der et al., 2018).

В теоретической концепции К. Петридеса черты ЭИ рассматриваются как описание «нашего восприятия нашего эмоционального мира: каковы наши эмоциональные установки и насколько хорошо мы оцениваем восприятие, понимание, управление и использование собственных эмоций и эмоций других людей» (Petrides et al., 2018, p. 50). К. Петридес и А. Фёрнхем считают, что в качестве черты ЭИ связан как с поведенческими проявлениями, так и с самовосприятием способностей, но как конструкты ЭИ-черта и ЭИ-способность различаются (Petrides, Furnham, 2001).

Однако по указанию доменов проявления ЭИ особых различий не видно. Одним из аргументов в пользу понимания ЭИ как черты служат взаимосвязи с другими личностными чертами. Так, было показано, что ЭИ можно рассматривать как широкую черту, интегрированную в более высокие уровни иерархии личности (Pérez-González, Sanchez-Ruiz, 2014). С этим поспорили Альберто Алегре (A. Alegre) с соавторами, которые, используя те же методические рамки, не выявили предполагаемой интегрированности такой черты, но обосновали, что ЭИ — это еще один способ измерить те же самые черты Большой пятерки, которые традиционно включаются в конструкт личности (Alegre et al., 2019).

Для русскоязычных выборок показано, что связи между результатами применения опросников для диагностики ЭИ как черты и как способности являются положительными и остаются на уровне примерно 0,3. Такие уровни характерны (и максимальны) для связей академического интеллекта и личностных свойств. Таким образом, соответствующие данные не позволяют сделать выбор в пользу той или иной трактовки измерения ЭИ (Крюкова, Шестова, 2021).

В метаанализе связей с алекситимией (как уплощением эмоциональной сферы) было показано, что повышение нейротизма и снижение экстраверсии, открытости опыту, доброжелательности и сознательности были связаны с более высокой *когнитивной алекситимией*, а повышенный нейротизм и открытость опыту были связаны с более низкой *аффективной алекситимией* (Barańczuk, 2019). Другим аспектом

включения эмоциональной сферы в системы черт личности стали поиски связей с *эмпатией*, что, предположительно, приближало ее к описанию «просоциальной личности» (Habashi et al., 2016).

Исследования показывают, что различные компоненты ЭК и эмоционально-го опыта связаны с возрастом: пожилые люди, по сравнению с молодыми, имеют более высокую эмоциональную сложность (Ready, Carvalho, Weinberger, 2008). Чем старше человек, тем более ясно он различает эмоции и дифференцирует их источник (Mankus et al., 2016; Carstensen et al., 2000). При решении повседневных проблем пожилые люди демонстрируют более сложное, гибкое и эмоционально зрелое поведение (Blanchard-Fields, 2007). Однако ЭК в компоненте *готовности* связана с когнитивной дисфункцией — ухудшением функционирования лобно-подкорковых структур головного мозга, то есть с дисфункцией исполнительной системы, дисфункцией расторможенности / эмоциональной дисрегуляции и апатией у пожилых людей (Kuřka et al., 2020).

Женщины лучше распознают эмоции, чем мужчины. Это объясняется, в частности, тем, что шкала осознания эмоций, которая отражает индивидуальные различия в освоении понятия эмоций, опосредует связь между полом и способностью распознавать эмоции (Wright et al., 2018). Последний метаанализ выявил, что женщины демонстрируют значимо более высокий уровень ЭК по всем шкалам, чем мужчины (Kuřka et al., 2020). Видимо, это различие по полу связано с большей ясностью источника эмоций и дифференциацией отрицательных эмоций (Mankus, Boden, Thompson, 2016).

Мы предположили, что включение в комплексный анализ переменных ЭИ в качестве личностных черт позволит прояснить и понимание ЭК с точки зрения ее взаимосвязей с личностной сферой и потенциалом эмоциональной регуляции, которая в опроснике А. Фёрнхема и К. Петридеса *Trait Emotional Intelligent Questionnaire* — TEIQue («Черты эмоционального интеллекта») — связывается с благополучием человека, успешностью его социальных связей, эмоциональностью и самоконтролем (Petrides, Furnham, 2001).

Отметим установление слабо отрицательных связей ЭК и ЭИ как способностей (Валуева, Ушаков, 2010; Ivcevic et al., 2007), притом что связи ЭК как черты и ЭИ как способности (по модели Майера — Сэловея — Карузо) отсутствуют или являются слабо положительными. Связи ЭК как черты, измеренной по опроснику ОЭК, и ЭИ как способности, измеренной по ЭМИн, — положительные (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).

Однако нет данных о связях черт ЭИ с одновременными измерениями черт Большой пятерки и эмоциональной креативностью.

Метод

Участники исследования. 527 испытуемых (из них 395 женщин и 135 мужчин, M_{17} , M_{43} , $SD=2,9$). Из них 402 чел. прошли все три опросника (284 женщин и 118 мужчин, M_{17} , M_{35} , $SD=2,3$). По их результатам — без пропущенных данных — и определялись латентные классы.

Диагностические методики

1. Опросник Дж. Эверилла — ЕСІ включал три шкалы, а в нашей русскоязычной апробации установлено пять шкал: 1) *новизна*, или уникальность; 2) *готовность размышлять* над эмоциями (первые два фактора аналогичны выделенным Эвериллом); 3) *эффективность* и 4) *аутентичность* эмоциональных реакций (3 и 4 — два фактора вместо одного объединенного у Эверилла); 5) *многообразие* испытываемых эмоций и сложность их выражения (в авторском варианте ОЭК не выделялся). Опросник коррелировал на русскоязычной выборке со шкалой опросника имплицитных теорий креативности *активность*. В опроснике 30 пунктов с 5-балльной оценкой согласия с утверждением в пункте.
2. Опросник Trait Emotional Intelligent Questionnaire — TEIQue-SF (Petrides, Furnham, 2001). Его русскоязычная апробация (Крюкова, Шестова, 2020) подтвердила возможность выделения четырех авторских шкал ЭИ: 1) *благополучие* — отражает общее чувство благополучия, простирающееся от прошлых достижений до будущих ожиданий, ощущение счастья и удовлетворенности; 2) *эмоциональность* — отражает степень возможности находиться в контакте со своими и чужими чувствами, воспринимать и выражать эмоции и использовать эти качества для развития и поддержания близких отношений с важными людьми; 3) *социальность* — подчеркивает социальные отношения и социальное влияние, основное внимание уделяется личности как агенту в социальных контекстах, а не личным отношениям с семьей и близкими друзьями; 4) *самоконтроль* — контроль над своими побуждениями и желаниями, в дополнение к контролю импульсов, умение справляться с регулированием внешнего давления и стресса. В опроснике 30 пунктов с 7-балльной оценкой согласия с утверждением в пункте.
3. Краткий опросник Большой пятерки (КОБП) — Ten Item Personality Measure (TIPI), опросник для самооценки из десяти пунктов, разработанный Гослингом с коллегами (Gosling et al., 2003) с ориентацией на пятифакторную модель личности. В российской, как и во многих зарубежных апробациях, он продемонстрировал хорошую валидность (Корнилова, Чумакова, 2016). В 10 парах прилагательных (по две пары на каждый фактор) испытуемый должен оценить по 7-балльной шкале степень своего согласия с тем, что утверждение его правильно описывает («Я считаю себя...»).

Обработка данных. Корреляционный анализ проводился с применением коэффициента корреляции «ро» — ρ Спирмена.

Анализ латентных профилей проводился с помощью библиотеки VarSelLCM для программной среды R (Marbac, Sedki, 2019). В качестве индикаторов использовались континуальные переменные, полученные для трех опросников. Перед моделированием континуальные переменные были скорректированы с учетом эффектов пола и возраста, а также их взаимодействия: отдельно для каждой переменной была построена так называемая устойчивая регрессионная модель (robustbase для R) (Maechler et al., 2019), где в качестве предикторов выступали демографические характеристики. Результирующие остатки были переведены в Z-значения. Анализ экс-

тремальных значений выявил двух участников исследования с такими экстремумами по нескольким шкалам — их данные были исключены из последующего анализа.

Анализ проводился для набора смешанных гауссовых моделей с варьирующим g -количеством выделяемых классов (от 1 до 10). Выделение классов было основано на анализе индекса пригодности модели — с помощью критерия ICL (Integrated Completed Likelihood) (Bertoletti et al., 2015). Анализ показал, что минимальное значение ICL было достигнуто для модели с 4 латентными классами (ICL = $-7877,637$; BIC = $-7771,416$; log-likelihood = $-7426,62$) и 14 континуальными индикаторами. Анализ дискриминативной мощности переменных показал, что почти все 14 переменных вносили вклад в различение между классами.

Результаты

Корреляционный анализ (табл.).

Из 527 испытуемых только у 402 были полные данные по всем методикам. Получившиеся результаты на матрице для 527 испытуемых и для 402 различаются несущественно; поэтому приводим корреляции для меньшей выборки — без пропущенных данных. Как видно из таблицы, ЭК связана с чертами Большой пятерки: *новизна* положительно связана с *экстраверсией* и *открытостью новому опыту*, отрицательно — с *эмоциональной стабильностью*; *готовность размышлять над эмоциями* положительно связана с *согласием* и *открытостью новому опыту*; *эффективность* положительно связана со всеми чертами, кроме *добросовестности*; *аутентичность* — положительно с *экстраверсией* и отрицательно с *эмоциональной стабильностью*; *разнообразие эмоций* — положительно с *экстраверсией* и *открытостью новому опыту*, но отрицательно с *добросовестностью* и *эмоциональной стабильностью*.

Анализ латентных классов (рис. 1).

Дополнительный анализ средних по переменным в группах испытуемых, отнесенных к каждому из четырех профилей, выявил следующий паттерн результатов, представленный на рис. 1.

Самым многочисленным (119 испытуемых, или 30 % выборки — «середняки») оказался класс с профилем 2, характеризующийся высокими *эмоциональной стабильностью* и *добросовестностью*, а также средними показателями по остальным шкалам Большой пятерки; этот профиль также характеризовали относительно средние показатели по другим опросникам: средне-низкие значения — по ЭК, средне-высокие — по ЭИ.

Вторым по численности был класс с профилем 1 (112, или 28 %), характеризующийся низкими баллами по шкале ЭК «*Эффективность*» и по всем шкалам ЭИ (по TEIQ); средне-низкие баллы здесь по всем шкалам Большой пятерки (по GPI).

Латентный профиль 3 (64, или 16 %) отличался обратным паттерном — высокими баллами по всем шкалам Большой пятерки и ЭИ, особо высокими баллами по шкалам ЭК «*Эффективность*» и «*Готовность размышлять над эмоциями*».

Латентный профиль 4 (107, или 26 %) показал наиболее низкие баллы по *эмоциональной стабильности* в сочетании с низким *самоконтролем* (шкалой ЭИ по TEIQue), но наиболее высокими баллами по шкалам ЭК «*Разнообразие эмоций*» и «*Новизна-уникальность*».

Таблица. Связи переменных по ОЭК, КОБП (ТРИ) и ЭИ (TeiQue-SF)

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Экстраверсия	1												
2. Согласие	0,107*	1											
3. Добросовестность	-0,001	0,083	1										
4. Эмоциональная стабильность	-0,025	0,147**	0,178**	1									
5. Открытость новому опыту	0,273**	0,030	0,055	-0,040	1								
6. Благополучие	0,273**	0,223**	0,262**	0,270**	0,208**	1							
7. Самоконтроль	-0,046	0,111*	0,294**	0,549**	0,041	0,385**	1						
8. Эмоциональность	0,160**	0,133**	0,087	0,167**	0,162**	0,407**	0,290**	1					
9. Социальность	0,375**	0,111*	0,205**	0,239**	0,262**	0,479**	0,315**	0,512**	1				
10. Новизна-уникальность	0,131**	0,062	-0,004	-0,180**	0,320**	0,011	-0,126*	0,065	0,164**	1			
11. Готовность размышлять над эмоциями	-0,013	0,112*	-0,018	-0,009	0,123*	0,087	0,107*	0,211**	0,038	0,196**	1		
12. Эффективность	0,363**	0,277**	0,061	0,163**	0,275**	0,347**	0,154**	0,454**	0,417**	0,263**	0,319**	1	
13. Аутентичность	0,156**	0,083	0,050	-0,187**	0,075	0,060	-0,121*	0,078	-0,014	0,118*	0,109*	0,273**	1
14. Разнообразие эмоций	0,114*	0,051	-0,133**	-0,371**	0,314**	-0,058	-0,240**	0,060	0,014	0,577**	0,190**	0,266**	0,151**

Примечание: Применялись коэффициенты корреляции Спирмена: * $-p < 0,05$, ** $-p < 0,01$.

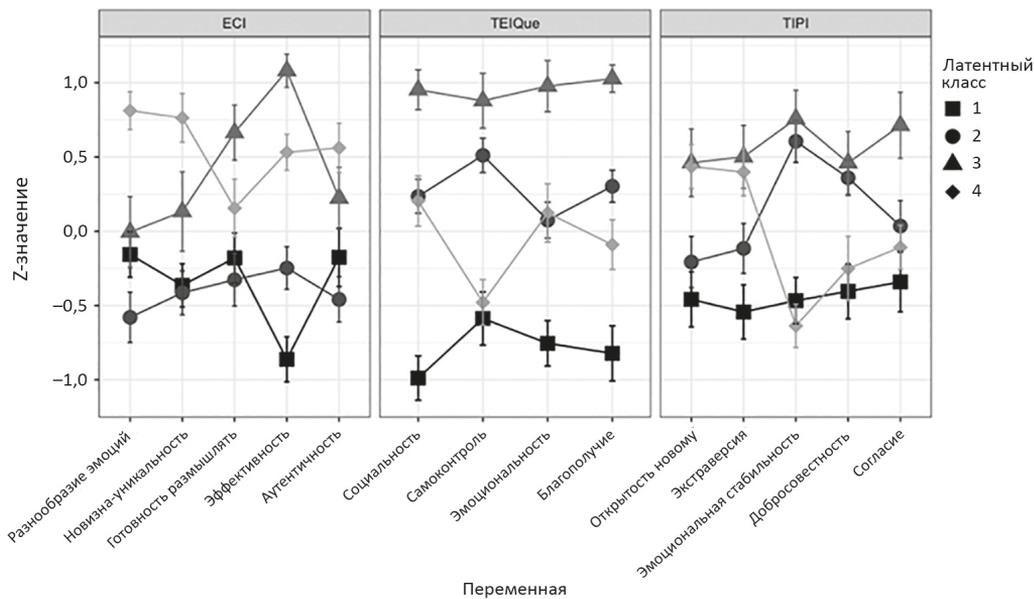


Рис. 1. Латентные классы участников исследования на основе переменных трех опросников. Представлены средние с 95% доверительным интервалом

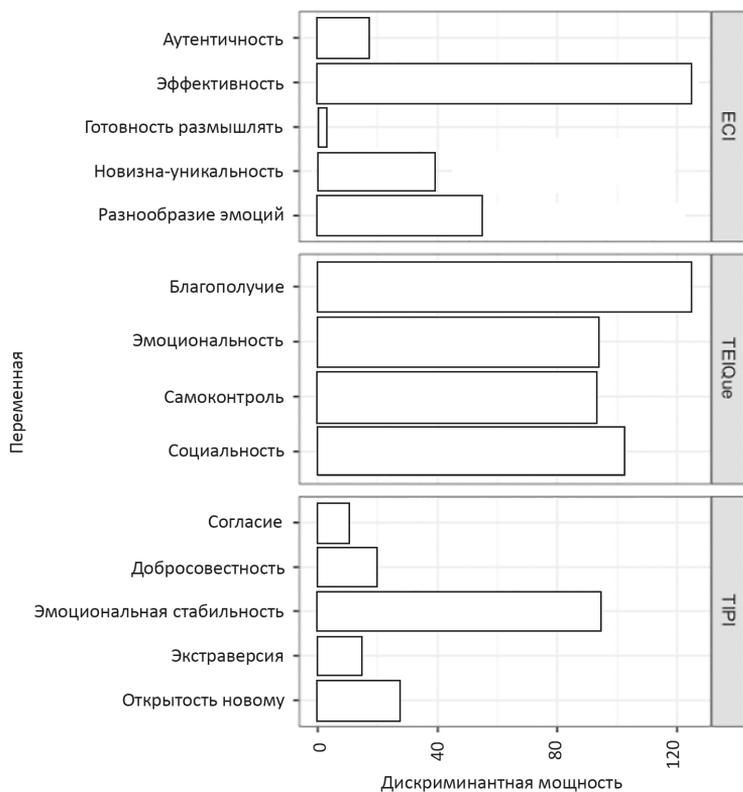


Рис. 2. Дискриминантная мощность переменных исследования в отношении установления латентных классов

На рис. 2 представлены графики, демонстрирующие различия во вкладах измеренных переменных между выделенными классами. Наибольшее число дискриминирующих переменных внесли шкалы ЭИ, а также по одной шкале Большой пятерки — «Эмоциональная стабильность» — и ЭК — «Эффективность», отражающая понимание и контроль своих эмоций, их адекватное поведенческое проявление.

Обсуждение результатов

Результаты анализа латентных классов свидетельствуют о наличии четырех гомогенных подгрупп испытуемых, характеризующихся специфическими профилями личностных черт Большой пятерки, эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности. Соответствующие типы индивидуальных особенностей не просматриваются при применении одного лишь корреляционного анализа.

Учет дискриминантной мощности личностных переменных показывает наибольший вклад шкал эмоционального интеллекта в различия выявленных групп. «Эмоциональная стабильность» и шкала эмоциональной креативности «Эффективность» также вносят существенный вклад, но по числу дискриминирующих переменных интегративную роль следует приписать эмоциональному интеллекту, измеренному опросником TEIQ. Этот наш результат свидетельствует в пользу идеи интегративной роли ЭИ как черты в личностных структурах, охватываемых Большой пятеркой (Pérez-González, Sanchez-Ruiz, 2014; Petrides et al., 2018).

Результаты нашего исследования схожи с паттерном, полученным в исследовании на материале больших выборок из Германии и Австралии (Specht, Luhmann, Geiser, 2014), где анализ латентных профилей проводился исключительно на основе шкал Большой пятерки. В этом исследовании были получены следующие профили: 1) профиль, схожий с профилем добросовестных «средняков» 2 (“average type”); 2) профиль с высокими баллами по всем шкалам, схожий с профилем 3 в нашем исследовании (так называемые устойчивые, или “resilients”); 3) профиль с низкой эмоциональной стабильностью, но высокой открытостью новому (так называемые чрезмерно контролирующие, или “overcontrollers”) и средними баллами по согласию и добросовестности; 4) профиль с низкими баллами по добросовестности, эмоциональной стабильности и согласию (“undercontrollers”). В указанном исследовании не был выявлен «конституционально слабый» профиль 2 с устойчиво низкими баллами по всем шкалам, а профили 2 и 4 оба могут частично соответствовать профилям недо- и сверхконтролирующих. Однако отметим, что указанное исследование было основано исключительно на данных Большой пятерки, тогда как примененный нами анализ показывает важность включения переменных ЭИ и ЭК, отражающих продуктивные компоненты эмоциональной регуляции.

Результаты корреляционного анализа согласуются с данными других исследователей в том, что экстраверсия и открытость опыту положительно связаны с показателями ЭИ и ЭК (Averill, 2020; Pérez-González, Sanchez-Ruiz, 2014) и шкалы ЭИ и ЭК также связаны между собой (Корнилова и др., 2020). Но совсем не эти шкалы определили различия между классами участников исследования.

Поскольку в наших вариантах анализа мы провели контроль влияния факторов пола и возраста на диагностируемые личностные переменные, выявлены связи

и классы латентных профилей, как бы очищенные от этих факторов. В дальнейших исследованиях полезно будет посмотреть на вклады этих демографических показателей, для чего нужно увеличить выборки участников.

Выводы

1. *Эмоциональная стабильность* выступила единственным дискриминирующим фактором Большой пятерки при определении латентных личностных профилей. Она ожидаемо положительно связана со всеми чертами ЭИ и шкалой *эффективности* эмоций (их пониманием и контролем над своими эмоциональными реакциями), также ставшей значимым фактором разделения личностных профилей среди шкал эмоциональной креативности.
2. Черты ЭИ внесли максимальный вклад в определение личностных профилей, построенных на российской выборке при применении опросников Большой пятерки, ЭИ и эмоциональной креативности.

Литература

- Валуева Е. А., Ушаков Д. В. Эмпирическая верификация модели соотношения предметных и эмоциональных способностей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 7 (2). С. 103–114.
- Дикая Л. А. и др. Особенности взаимосвязей эмоционального интеллекта и личностных черт у социально активных студентов / Л. А. Дикая, Ю. В. Обухова, В. А. Егорова, И. Н. Егоров // Российский психологический журнал. 2020. № 17 (4). С. 34–48. <http://dx.doi.org/10.21702/rpj.2020.4.3>
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Апробация Краткого опросника Большой пятерки (ТРИ, КОБИ) // Психологические исследования. 2016. № 9 (46). С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1259-kornilova46.html> (дата обращения: 12.02.2021).
- Корнилова Т. В., Шестова М. А., Павлова Е. М. Эмоциональная креативность в системе связей с имплицитными теориями и личностной сферой // Психологический журнал. 2020. № 41 (4). С. 19–31. <http://dx.doi.org/10.31857/S020595920010388-2>
- Крюкова Е. А., Шестова М. А. Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue-SF) // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (в печати).
- Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009. С. 264–278.
- Alegre A., Pérez-Escoda N., López-Cassá E. The Relationship between Trait Emotional Intelligence and Personality. Is Trait EI Really Anchored Within the Big Five, Big Two and Big One Frameworks? // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. P. 866. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00866>
- Averill J. R. Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates // Journal of personality. 1999. Vol. 67 (2). P. 331–371. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.00058>
- Averill J. R. Intelligence, emotion, and creativity: From trichotomy to trinity // Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace / eds. R. Bar-On, J. D. A. Parker. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000. P. 363–376.
- Barańczuk U. The five factor model of personality and alexithymia: A meta-analysis // Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 78. P. 227–248. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2018.12.005>
- Bertoletti M., Friel N., Rastelli R. Choosing the number of clusters in finite mixture model using an exact integrated completed likelihood // Metron. 2015. Vol. 73 (2). P. 177–199. <https://doi.org/10.1007/s40300-015-0064-5>
- Blanchard-Fields F. Everyday Problem Solving and Emotion: An Adult Developmental Perspective // Current Directions in Psychological Science. 2007. Vol. 16 (1). P. 26–31. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2007.00469.x>

- Carstensen L.L. et al. Emotional experience in everyday life across the adult life span / L.L. Carstensen, M. Pasupathi, U. Mayr, J.R. Nesselrode // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79 (4). P. 644–655. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.4.644>
- Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B. A very brief measure of the Big-Five personality domains // *Journal of Research in Personality*. 2003. Vol. 37 (6). P. 504–528. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
- Habashi M., Graziano W., Hoover A.E. Searching for the Prosocial Personality // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016. Vol. 42. P. 1177–1192. <https://doi.org/10.1177/0146167216652859>
- Ivcevic Z., Brackett M.A., Mayer J.D. Emotional intelligence and emotional creativity // *Journal of Personality*. 2007. Vol. 75 (2). P. 199–236. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00437.x>
- Kuška M. et al. Emotional Creativity: A Meta-analysis and Integrative Review / M. Kuška, R. Trnka, J. Mana, N. Tomas // *Creativity Research Journal*. 2020. Vol. 32 (2). P. 151–160. <https://doi.org/10.1080/10400419.2020.1751541>
- Linden van der D. et al. Overlap between the general factor of personality and trait emotional intelligence: a genetic correlation study / D. van der Linden, J.A. Schermer, E. de Zeeuw, C.S. Dunkel, K.A. Pekaar, A.B. Bakker, P.A. Vernon, K.V. Petrides // *Behavior Genetics*. 2018. Vol. 48 (2). P. 147–154. <https://doi.org/10.1007/s10519-017-9885-8>
- Maechler M. et al. Robustbase: Basic Robust Statistics R package version 0.93-5 / M. Maechler, P. Rousseeuw, C. Croux, ... and M.A. di Palma. 2019. URL: <http://CRAN.R-project.org/package=robustbase> (accessed: 25.02.2021).
- Mankus A.M., Boden M.T., Thompson R.J. Sources of variation in emotional awareness: Age, gender, and socioeconomic status // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 89. P. 28–33. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.09.043>
- Marbac M., Sedki M. VarSelLCM: an R/C++ package for variable selection in model-based clustering of mixed-data with missing values // *Bioinformatics*. 2019. Vol. 35 (7). P. 1255–1257. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/bty786>
- Pérez-González J.-C., Sanchez-Ruiz M.-J. Trait emotional intelligence anchored within the Big Five, Big Two and Big One frameworks // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 65. P. 53–58. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.021>
- Petrides K.V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies // *European journal of personality*. 2001. Vol. 15 (6). P. 425–448. <https://doi.org/10.1002/per.416>
- Petrides K.V. et al. Emotional intelligence as personality: measurement and role of trait Emotional Intelligence in educational contexts / K.V. Petrides, M.J. Sanchez-Ruiz, A.B. Siegling, D.H. Saklofske, S. Mavroveli // Keefer K.V., Parker J.D.A., Saklofske D.X. (eds). *Emotional Intelligence in Education*. Cham, Switzerland: Springer, 2018. P. 49–81 (The Springer Series on Human Exceptionality). https://doi.org/10.1007/978-3-319-90633-1_3
- Ready R.E., Carvalho J.O., Weinberger M.I. Emotional complexity in younger, midlife, and older adults // *Psychology and Aging*. 2008. Vol. 23 (4). P. 928–933. <http://dx.doi.org/10.1037/a0014003>
- Specht J., Luhmann M., Geiser C. On the consistency of personality types across adulthood: latent profile analyses in two large-scale panel studies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 107 (3). P. 540–556. <http://dx.doi.org/10.1037/a0036863>
- Wright R. et al. Sex differences in emotion recognition ability: The mediating role of trait emotional awareness / R. Wright, R. Riedel, L. Sechrest, R.D. Lane, R. Smith // *Motivation and emotion*. 2018. Vol. 42 (1). P. 149–160. <https://doi.org/10.1007/s11031-017-9648-0>

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2021 г.;
рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Контактная информация:

Корнилова Татьяна Васильевна — д-р психол. наук; tvkornilova@mail.ru
Шестова Мария Александровна — аспирант; shestovamariya@yandex.ru
Корнилов Сергей Александрович — канд. психол. наук; sa.kornilov@gmail.com

Emotional Intelligence, Big Five Traits and Emotional Creativity in latent personality profiles

T. V. Kornilova¹, M. A. Shestova^{1a}, S. A. Kornilov²

¹ Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye gory, Moscow, 119991, Russian Federation

² Institute for Systems Biology,
USA, WA 98109-5263, 401, Terry Avenue North, Seattle

For citation: Kornilova T. V., Shestova M. A., Kornilov S. A. Emotional Intelligence, Big Five Traits and Emotional Creativity in latent personality profiles. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, vol. 11, issue 2, pp. 123–136. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.201> (In Russian)

Studies in the last decade that examined the relationship among the traits that form a personality profile, identified both the relationship between emotional intelligence and the Big Five traits or focused on arbitrarily identified mediators and moderators in the system of measured traits. However, our current understanding of the associations between Big Five traits and emotional creativity (a trait related to emotional intelligence) is lacking. Thus, the objective of the study was to identify latent profiles which represented homogenous subgroups of individuals based on measured personality traits; and to compare the results from a variable-centered approach and the person-centered approach (latent profile or class analysis). Design: a total of 527 students participated in the study (395 women and 135 men, Min 17, Max 43, $M = 19.2$, $SD = 2.9$), 402 were administered the complete assessment battery. The latter included 1) the Ten Item Personality Measure (TIPI), 2) the Trait Emotional Intelligent Questionnaire (TEIQ), 3) and the Emotional Creativity Inventory (ECI). The study shows that the traits of the Big Five as expected were positively associated with all the subscales of emotional intelligence. The analysis of latent profiles identified 4 distinct classes that do not appear when correlation analysis was used in a variable-centered analysis. Specifically, it was the properties of emotional intelligence that were the main group of discriminating variables when establishing personal profiles. Among the Big Five traits, *Emotional Stability* and, among the all emotional creativity components, *Efficiency* were the strongest discriminating factors; the maximum contribution to the identification of personal profiles was made by the traits of emotional intelligence.

Keywords: latent profiles, emotional creativity, emotional intelligence, Trait Emotional Intelligent Questionnaire (TEIQ), the Ten Item Personality Measure (TIPI), Emotional Creativity Inventory (ECI).

References

- Alegre, A., Pérez-Escoda, N., López-Cassá, E. (2019). The Relationship between Trait Emotional Intelligence and Personality. Is Trait EI Really Anchored Within the Big Five, Big Two and Big One Frameworks? *Frontiers in Psychology*, 10, p. 866. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00866>
- Averill, J. R. (1999). Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates. *Journal of personality*, 67 (2), 331–371. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.00058>
- Averill, J. R. (2000). Intelligence, emotion, and creativity: From trichotomy to trinity. In: R. Bar-On, J. D. A. Parker (eds). *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, pp. 363–376.
- Barańczuk, U. (2019). The five factor model of personality and alexithymia: A meta-analysis. *Journal of Research in Personality*, 78, 227–248. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2018.12.005>

^a Corresponding author.

- Bertoletti, M., Friel, N., Rastelli, R. (2015). Choosing the number of clusters in finite mixture model using an exact integrated completed likelihood. *Metron*, 73 (2), 177–199. <https://doi.org/10.1007/s40300-015-0064-5>
- Blanchard-Fields, F. (2007). Everyday Problem Solving and Emotion: An Adult Developmental Perspective. *Current Directions in Psychological Science*, 16 (1), 26–31. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2007.00469.x>
- Carstensen, L. L., Pasupathi, M., Mayr, U., Nesselroade, J. R. (2000). Emotional experience in everyday life across the adult life span. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79 (4), 644–655. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.4.644>
- Dikaja, L. A., Obuhova, Ju. V., Egorova, V. A., Egorov, I. N. (2020). Features of the relationship of emotional intelligence and personality traits in socially active students. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal*, 17 (4), 34–48. (In Russian)
- Gosling, S. D., Rentfrow, P. J., Swann, W. B. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37 (6), 504–528. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
- Habashi, M., Graziano, W., Hoover, A. E. (2016). Searching for the Prosocial Personality. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 42, 1177–1192. <https://doi.org/10.1177/0146167216652859>
- Ivcevic Z., Brackett M. A., Mayer J. D. (2007). Emotional intelligence and emotional creativity. *Journal of personality*, 75 (2), 199–236. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00437.x>
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A. (2016). Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI). *Psihologicheskie issledovaniia*, 9 (46), 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1259-kornilova46.html> (accessed: 12.02.2021). (In Russian)
- Kornilova, T. V., Shestova, M. A., Pavlova, E. M. (2020). The relationship of emotional creativity with implicit theories and emotional-personal sphere. *Psihologicheskij zhurnal*, 41 (4), 19–31. <http://dx.doi.org/10.31857/S020595920010388-2>. (In Russian)
- Krukova, E. A., Shestova, M. A. (2021). Emotional intelligence in the structure of the intellectual and personal potential of a person: a trait or an ability? (adaptation of the short version of the TEIQue-SF questionnaire). *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* (in press). (In Russian)
- Kuška, M., Trnka, R., Mana, J., Tomas, N. (2020). Emotional Creativity: A Meta-analysis and Integrative Review. *Creativity Research Journal*, 32 (2), 151–160. <https://doi.org/10.1080/10400419.2020.1751541>
- Linden van der, D., Schermer, J. A., Zeeuw de, E., Dunkel, C. S., Pekaar, K. A., Bakker, A. B., Vernon, P. A., Petrides, K. V. (2018). Overlap between the general factor of personality and trait emotional intelligence: a genetic correlation study. *Behavior Genetics*, 48 (2), 147–154. <https://doi.org/10.1007/s10519-017-9885-8>
- Lyusin, D. V. (2009). Questionnaire for emotional intelligence Emin: new psychometric data. *Social'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot modelei k izmereniam*. Moscow, Institute psychology RAs Press., pp. 264–278. (In Russian)
- Maechler, M., Rousseeuw, P., Croux, C., di Palma, M. A. (2019). Robustbase: *Basic Robust Statistics R package version 0.93-5*. <http://CRAN.R-project.org/package=robustbase> (accessed: 25.02.2021).
- Mankus, A. M., Boden, M. T., Thompson, R. J. (2016). Sources of variation in emotional awareness: Age, gender, and socioeconomic status. *Personality and Individual Differences*, 89, 28–33. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.09.043>
- Marbac, M., Sedki, M. (2015). VarSelLCM: an R/C++ package for variable selection in model-based clustering of mixed-data with missing values. *Bioinformatics*, 35 (7), 1255–1257. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/bty786>
- Pérez-González, J.-C., Sanchez-Ruiz, M.-J. (2014). Trait emotional intelligence anchored within the Big Five, Big Two and Big One frameworks. *Personality and Individual Differences*, 65, 53–58. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.021>
- Petrides, K. V., Furnham, A. (2001). Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies. *European journal of personality*, 15 (6), 425–448. <https://doi.org/10.1002/per.416>
- Petrides, K. V., Sanchez-Ruiz, M. J., Siegling, A. B., Saklofske, D. H., Mavroveli, S. (2018). Emotional intelligence as personality: measurement and role of trait Emotional Intelligence in educational contexts. In: K. V. Keefer, J. D. A. Parker, D. X. Saklofske (eds). *Emotional Intelligence in Education, The Springer Series on Human Exceptionality*. Cham, Switzerland, Springer, pp. 49–81. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90633-1_3
- Ready, R. E., Carvalho, J. O., Weinberger, M. I. (2008). Emotional complexity in younger, midlife, and older adults. *Psychology and Aging*, 23 (4), 928–933. <http://dx.doi.org/10.1037/a0014003>

- Specht J., Luhmann M., Geiser C. (2014). On the consistency of personality types across adulthood: latent profile analyses in two large-scale panel studies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107 (3), 540–556. <http://dx.doi.org/10.1037/a0036863>
- Valueva, E. A., Ushakov, D. V. (2010). Empirical verification of the model of the relationship between subject and emotional abilities. *Psihologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 7 (2), 103–114. (In Russian)
- Wright, R., Riedel, R., Sechrest, L., Lane, R.D., Smith, R. (2018). Sex differences in emotion recognition ability: The mediating role of trait emotional awareness. *Motivation and emotion*, 42 (1), pp. 149–160. <https://doi.org/10.1007/s11031-017-9648-0>

Received: February 20, 2021

Accepted: March 12, 2021

Authors' information:

Tatiana V. Kornilova — Dr. Sci. in Psychology, Professor; tvkornilova@mail.ru

Mariia A. Shestova — Postgraduate Student; shestovamariya@yandex.ru

Sergey A. Kornilov — PhD in Psychology, Senior Researcher; sa.kornilov@gmail.com